

БОРИС КРУМИНГ-СУХАРЕВ

Председатель правления Международной ассоциации «Русская культура»
(Эстония)

Доктор философии, автор двух книг (в том числе монографии «Русские в Прибалтике: рубеж XXI века») и нескольких десятков публикаций по социологии и философии. Один из создателей цивилизационной концепции «Русский Мирь», руководитель международного Интернет-конкурса русской поэзии «Под небом Балтики». Специалист в области проектного менеджмента (проекты по темам рамочных программ Европейской комиссии). Создатель и ведущий веб-сайта www.russmir.eu

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ СКОЛ

Введение

О противоречивом характере и сложной судьбе русской интеллигенции написано очень много, но в начале XXI века перед лицом стремительно изменяющегося мира для русского общества в России и в зарубежных диаспорах эта тема возникает вновь — в силу необходимости понять не только кто мы, но и как можем ответить на цивилизационные вызовы, в чём наша опора.

Жизнь старшего поколения в XX веке изобиловала драматическими поворотами: тяготы войны, репрессии и оттепели, перестройка, падение союзного государства и декоративная демократия с инфернальной алчностью новых «либеральных» революционеров, а вслед — дефолт, глобальный финансовый кризис и тому подобные прелести в блестящей мистифицирующей упаковке «свободы, прав личности и общечеловеческих ценностей».

Если оценивать, к чему пришло общество на пространстве бывшего Советского Союза, то это полная смена уклада жизни, ценностных установок и нравственного климата. Не испытывая никаких симпатий к бюрократической социальной системе советского общества, нельзя не отметить, что та суррогатная демократия, которая воцарилась повсеместно, обладает всеми пороками, о каковых, как выясняется, в советское время

много и правдиво писали. Но то совершенствование социальной системы, которое прошли западные страны, никак не затронуло все постсоветские «демократические» режимы, — не только по причине двойных стандартов, применяемых к разным группам населения в одной и той же стране, но и из-за захватывающей игры по присвоению собственности, ранее бывшей общенародной. Игра по правилам, которые доминирующие игроки устанавливали по ходу дела, а то и без всяких правил, никак не способствовала построению здорового гражданского общества.

Кризис 2008 года заставил обратить внимание на нравственное состояние нашей жизни. Доминирующее мировоззрение этот фактор практически не учитывает, но его ущербность, как выяснилось, ведёт к эскалации множества проблем. Вдобавок ситуация неуклонно усугубляется тем, что нет достаточно широкого социального слоя или общности, которая была бы носителем нравственных принципов.

Постепенно проявились контуры более серьёзной угрозы, связанной с *проблемой воспроизводства русской цивилизации* — громадного культурно-исторического пласта, созданного тяжкими трудами многих поколений русского народа, государственным воплощением которого стала Россия. Сама проблема вызвана не только её экономическим упадком как естественным следствием расчленения единого государства и смены общественно-экономического строя, но и небывалой прежде в истории страны трагедией: разделением русского народа, когда значительная его часть, десятки миллионов, оказалась вне российской государственности. Одним этим был нанесён удар по базовым основам воспроизводства русской цивилизации, так как воспитание новых поколений, продолжающих наследственную цивилизационную линию, в рамках стран, избравших для своего развития иной, в первую очередь атлантический проект, крайне сложно.

Проблему воспроизводства русской цивилизации можно сформулировать и в более узком смысле: *сохранение русского цивилизационного ядра как в России, так и в новых диаспорах*. Задачи такой сложности и масштабности ещё не было в истории российского государства, поэтому методы её решения неизвестны, а опыт существования старых диаспор в новых исторических условиях уже неприменим. Несомненно одно: для России потеря многомиллионных русских диаспор — по сути, критический пункт её развития с предпосылками в будущем разделить участь Византии.

Сохранение живой связи с русскими диаспорами и их развитие возможно только в рамках российского специального государственного проекта, в котором русские диаспоры будут не объектом социального воздействия, а активным заинтересованным партнёром. Основой же сближения метрополии и русских диаспор должна стать общность мировоззренческих взглядов, разделяемых не только идеологически, но и на уровне менталитета. Но остаётся ещё открытым важнейший вопрос о том, кто станет (точнее — может стать) движущей силой этого процесса: средний

класс предпринимателей, современные интеллектуалы или интеллигенция (точнее, те, кто интуитивно причисляют себя к преемникам русской интеллигенции). Именно качества, которыми должны обладать те или иные социальные группы, дают возможность определиться с ответом.

Для русской цивилизации он связан в первую очередь с феноменом русской интеллигенции. Если следовать мнению одного из выдающихся представителей русской интеллигенции академика И. П. Павлова, то будущее нации определяет «ум интеллигентский». Вопрос не только в самом этом утверждении, но ещё и в том, что мы вкладываем в это понятие, — ведь нынешние условия жизни общества стали кардинально иными. Как изменилась за это время природа интеллигенции? Какова сейчас её сущность и насколько она соответствует той матрице признаков русской цивилизации, которая подлежит воспроизведению? Ответить на эти вопросы можно, только рассмотрев столетний путь, который прошла русская интеллигенция от периода своего наибольшего влияния на жизнь общества в начале XX века до наших дней.

Историческая судьба и новые штрихи к портрету

От русской к советской интеллигенции

В начале XX века сам феномен существования русской интеллигенции был связан с представлениями о либеральных ценностях, общественной нравственности, чести и морали, о служении народу и справедливом развитии общества. Для русской интеллигенции того периода более характерен был рационалистический космополитизм, нежели национальное самосознание, а со временем уважение к западной философской мысли стало переходить в некую подчинённость силе западной культуры с её ориентацией на благосостояние и статус интеллектуала в обществе. С этим связано впоследствии некоторое заискивание либеральной советской интеллигенции даже перед прибалтийской иллюзией западного мира. На это заискивание, помимо психологического влечения, накладывалось эхо постоянной слоевой бедности, что в определённой степени стимулировало такую манеру поведения.

Историческое воздействие на общество — всегда проверка на прочность его идеалов и социальных устоев, но с вызовом революций 1917 года русская интеллигенция не справилась. Она оказалась высока в творчестве, но совсем не воспитана в цивилизационном смысле и плохо приспособлена к жизни. Творцы «серебряного века» русской культуры оказались рассеянными, почитатели — уничтоженными, наступало время новой интеллигенции.

Отказавшись от государственного и духовного наследия Российской империи, новое руководство страны старательно выкорчевало самих носителей русской духовности, то высылая на пароходе, то физически уничтожая всех, кто был чужд новой идеологии. Не только приверженцы либе-

ральных взглядов или представители некоторых сословий, но и тысячи просто интеллигентов с университетским образованием, в наивности своей восторженно приветствовавших революцию, были стёрты с лица земли. Немногие оставшиеся в России получили наглядный урок и стали вести незаметное — насколько было возможно! — существование. Вся цепь трагических революционных событий была инициирована во имя сотворения неведомых доселе миру нового общества и новой классовой культуры с претензией на кафоличность. Для их создания нужны были иные, преданные новым целям силы.

Как отмечают многие писатели, ставшие очевидцами послереволюционных событий (и за ними исследователи этого периода), уничтоженную русскую интеллигенцию (русскую — в этнокультурном плане) заменила еврейская (по этническим корням) интеллигенция. Она-то и составила основу новой советской интеллигенции, привнеся свои менталитет, психологию и мировоззренческие ценности, что впоследствии отразилось на поведении общества в кризисных ситуациях. И только рядом, исподволь, тихо и незаметно прорастала духом русская интеллигенция, боковые побеги остатков интеллигенции дореволюционной, генетически и духовно наследовавшей принципы и устои своих предшественников.

Прорастать для них — значило познавать мир исходя из того громадного культурного наследия, которое создали их предки и лучшие умы человечества. Но надо отметить, что этот рост протекал в условиях весьма серьёзных ограничений даже во второй половине XX века. Несомненно, в советское время получение образования (особенно естественнонаучного и технического) всячески приветствовалось, а вот возможности психологического и мировоззренческого самосовершенствования жёстко контролировались. Не то что студентам или читателям с высшим образованием — даже человеку с учёной степенью сложно (иногда — невозможно) было получить доступ в центральных библиотеках двух столиц (не говоря уже о провинции!) к трудам таких философов как А. Шопенгауэр или Г. Спенсер, С. Булгаков или Н. Бердяев, и вообще к философии вне марксистского направления, если только такие материалы не требовались для исследования утверждённых научных тем. По счастью, потомки русской интеллигенции могли воспользоваться книгами из личных библиотек бабушек и дедушек, чудом сохранивших их после войны и даже блокады.

Такая ситуация была свойственна всей гуманитарной сфере, что вызвало невиданный расцвет особого социального явления — «самиздата», ставшего культовым увлечением советской интеллигенции. Это был своего рода внутренний протест против навязываемых ограничений, желание познать нечто сокровенное и значимое; причём зачастую идеи полузапретных книг и статей воспринимались просто на веру, без их критического осмысления. Именно жажда познания чего-то глубокого и актуального, отличающегося от натужного идеологического подхода, дала необычную популярность и долгую жизнь ещё одному феномену — тол-

стым журналам, на которых оказалось воспитано не одно поколение уже советской интеллигенции. С одной стороны, это стало модой, неуловимо влияющей на каждого, а с другой — не было альтернативы, кроме поднадоевшей и примитивной государственной идеологии, которой повсеместно придерживались только для вида.

После революций 1917 года интеллигенция России проделала путь от русской к советской (всё более утрачивающей связь с русским этнокультурным ядром) интеллигенции, которая к 90-м годам прошлого века в основной массе своей стала безоглядно разделять и пропагандировать либеральные взгляды, не задумываясь о социальных последствиях столь радикального реформирования государства. И в результате, после политических катаклизмов 1990-х годов, на авансцене жизни оказались не гуманистические, а иные приоритеты: обогащение, подражание, тщеславие и чванство. И по сей день фактически идёт деградация духовных ценностей и смыслов с ясно видимым снижением уровня общественного сознания и качества самого общества.

Последствия перестройки и парада суверенитетов 1991 года

Недовольство существующим положением, надежды на новую жизнь и справедливость стали теми эмоциональными стимулами, которые охватили массы людей в Советском Союзе в конце 1980-х годов. И так же, как в начале века русская интеллигенция, значительная часть советской интеллигенции восторженно встретила новый революционный переворот. Характерно, что именно потомки тех, кто в начале XX века крушил Российскую империю под знаменем социальной справедливости, в конце века возглавили разрушение союзного государства во имя либеральных ценностей и свобод, правда, уже как интеллектуалы, хотя в основе этого процесса лежали безудержное разграбление страны и обнищание народа. Интеллигенция в этом процессе тоже участвовала, но как вынужденный попутчик; то, что досталось ей (кому досталось) после тотального разграбления, были лишь мелкие остатки громадных ценностей бывшего народного хозяйства и природных ресурсов.

В результате оказалось разрушено государство, которое более нужно было в эволюционном развитии, нежели в революции. Интеллигенция повторила ту же ошибку, что и в начале века. Эффектность звучной фразеологии, манок гуманитарных абсолютов и призрачных надежд оказались сильнее чувства национального самосохранения, и вся её деятельность во время перестройки стала примером жизненной недалековидности и гражданской неграмотности, естественным исходом которых стала потеря сотнями тысяч не только места в социальной структуре, но и своей жизненной перспективы. Громадное число представителей научной и творческой интеллигенции остались без работы и средств существования. Но если в России у неё ещё были надежды выправить ситуацию, то для

их русских собратьев в бывших советских республиках такие шансы вообще отсутствовали.

Спустя некоторое время розовые утопии западничества исчезли, появился очередной жизненный опыт и очередные горькие результаты, которые сродни катастрофе: впервые за всю историю России за пределами своей государственности оказались десятки миллионов русских людей. И это была уже не диаспора — это уже был разделённый русский народ, а значит, и разделённая интеллигенция. Зеркало когда-то единого культурного пространства раскололось на части, оставив даже на самом крупном из них, российском, трещины и сколы как наглядную память о безответственности и преступности мнимых апологетов «всеобщих ценностей», а также недалековидности и всё той же наивной доверчивости невольных творцов своих несчастий.

После разрушения союзного государства на постсоветском пространстве перед интеллигенцией в большинстве своём возник вопрос выживания. Те, у кого были возможности, эмигрировали, часть постаралась найти себя в новом общественном укладе, некоторые так и не смогли определиться и ушли из жизни. В 1990-е годы казалось, что интеллигенция вообще ни на что не годна, в общественном сознании она была осмеяна и унижена. Но за пару десятилетий ситуация изменилась: с течением времени оказалось, что обществу необходимы и воспитание, и образование, и духовные ценности, и историческая память, то есть всё то, что сохранялось, создавалось и развивалось небольшой частью общества, не занятой непосредственно в производстве материальных ценностей.

Постсоветская интеллигенция

Состояние общественного безразличия к интеллигенции к началу второго десятилетия XXI века уже позади, но процесс её возрождения требует определённого осмысления, выработки направлений и целей, учитывающих горькие исторические уроки. При всей неопределённости пространства целей одна из них несомненна: *воспроизведение интеллигенции*, — и она *носит цивилизационный характер*. При этом необходимо достаточно точно определиться с *назначением* интеллигенции и ясно представлять её качества, необходимые для выживания, развития и приобретения социального иммунитета к саморазрушительным формам. Некоторые стороны процесса достижения этой цели существенно разнятся для русской интеллигенции России и зарубежья, общее же у них одно: *сохранение этнического ядра русской духовности*, — а суть их тесной взаимосвязи состоит в том, что если не будет в России русской интеллигенции — через некоторое время не будет и в диаспорах.

Русская интеллигенция на пороге второго десятилетия XXI века расколота, расколота институционально — потеряна не только структурная, но и ментальная общность. Это вполне понятно, так как отсутствует

не то что общее мировоззрение, но зачастую — общность взглядов на кардинальные жизненные вопросы в одном государстве, не говоря о мнении групп интеллигенции в различных странах. Нечто подобное относилось и к Русской Православной Церкви, но она институционально смогла восстановиться спустя 90 лет, и это позволяет с некоторой надеждой отнестись к возможности единения русской интеллигенции разных государств. При этом общее позитивное мировоззрение становится необходимым элементом её постепенного сближения, так как этим преодолевается индивидуальный взгляд на мир через замочную скважину собственных ограничений, открывается многомерное пространство сотрудничества и появляются возможности прокладывать путь, формируя реальность и опираясь на свои духовные ценности.

Вполне естественным кажется для русской интеллигенции возвращение к православным мировоззренческим основам (в качестве базовых), столь глубоко и всесторонне разработанным русскими философами начала XX века, но десятилетия доминирования советской идеологии и взращённый архетип новой интеллигенции не позволяют легко осуществить этот переход. Более того, они не позволяют сделать эти черты типичными для русской постсоветской интеллигенции. В обществе, не пронизанном христианской нравственностью, лишённом её духовной атмосферы, но сделавшем религиозность некоей новой одежкой для атеистов или наивным обрядоверием для простых людей, высокие идеалы и нравственные ценности вырождаются в духовный суррогат.

Особенно остро проблема базовых основ и мировоззрения и развития стоит для русской интеллигенции зарубежья. Вызовы современности фактически ставят вопрос о самом существовании русской интеллигенции постсоветских государств, не только наделённой теми же проблемами, что и в России, но и вынужденной бороться за своё физическое существование. Несколько облегчает ситуацию то, что историческая перспектива для русской интеллигенции зарубежья непосредственно связана с иными, по сравнению с жизнью их предшественников, образовательными и технологическими факторами: современными транспортными системами и глобальными телекоммуникациями, — а значит, имеется и возможность формирования русского культурного пространства вне зависимости от страны проживания. По этим же причинам почти не годится опыт старых диаспор, которые работали преимущественно на сохранение своего культурного наследия, в то время как сейчас основная задача — развитие в динамично изменяющихся условиях.

Зарубежная русская интеллигенция: эмигрантская и лимитрофная

Массовая русская эмиграция для Европы не новость, но ситуация коренным образом изменилась, когда после распада Советского Союза

в составе объединённой Европы оказались многие миллионы русского и русскоязычного населения со своими социальными проблемами и изломанными судьбами.

Наибольшее количество компактно проживающих русских находится в прибалтийских государствах, в основном в Латвии и Эстонии, значительное их число дисперсно распределено по многим европейским странам, и это число неуклонно растёт, подстёгиваемое экономической эмиграцией. Русская интеллигенция также растеклась по всем этим странам, претерпев вынужденную адаптацию к новым жизненным условиям. Для части её симптоматичными стали отказ от прежних мировоззренческих взглядов и полная переориентация на идеологические установки титульных этносов, но в большинстве своём у русской интеллигенции сохранились наследственные черты и традиционные жизненные ценности.

В ситуации духовного и социального разброда 1990-х годов, столь характерного для образовавшихся лимитрофных государств, живительной могла бы стать помощь старой русской эмиграции, но её потомки, выросшие в среду своих стран, не выказали какого-либо интереса к проблемам русских в Прибалтике, где такое участие было бы чрезвычайно востребовано, тем более что у тех и других прослеживаются очевидные исторические аналогии судьбы части народа, выброшенной из своей государственности. Очевидно, что для старой эмигрантской интеллигенции практически всё в прошлом, так как миссия служения русскому народу утеряна, жизненный потенциал — иссяк. Видимо, здесь сказалось и различие исторических задач: эмигранты начала XX века сохраняли в себе «свою Россию», а последней волне диаспор предстоит или раствориться в других народах, или преобразоваться из постсоветского русскоязычного конгломерата в русское сообщество, Русский мирь.

Если говорить о странах Европейского Союза, то в них сейчас фактически не существует общей среды русской интеллигенции. Есть только отдельные группы, которые или сосредоточились на декоративных культурных связях с Россией или с опорой на собственные ресурсы и личностные связи реализуют небольшие проекты. Что касается самой русской интеллигенции лимитрофов, то за 20 лет у неё не сложилось ни институтов, ни инфраструктуры, ни внятной концепции жизни, не говоря о какой-либо ресурсной базе.

После 1991 года русские нового зарубежья и его интеллигенция фактически остались один на один со своими проблемами, не имея возможности защитить свои интересы, а значит, встали на путь вырождения или некоего «футлярного» существования. Естественным их союзником могли бы быть национальные слои бывшей советской интеллигенции, но всё оказалось намного сложнее.

Интеллигенция и интеллектуалы

Рассматривая вопросы исторических воздействий на социальный слой, занимающийся преимущественно интеллектуальным трудом, всё-таки уместно определиться с тем, что вкладывается в само понятие интеллигенции, а это весьма непросто ввиду немалого количества дефиниций и их трактовок. Довольно часто используется следующее: *интеллигенция* (лат. *intelligentia, intellegentia* — понимание, познавательная сила, знание) — особая социально-профессиональная и культурная группа людей, занятая преимущественно в сфере умственного труда, обладающая чуткостью, тактом и мягкостью в проявлениях, ответственная за поступки и склонная к самоотречению.

Эта формулировка, очевидно, не является полной и безоговорочной, но даже она содержит характерные черты, связанные не только непосредственно со сферой занятий, но и с особой формой воспитания и поведения.

На рубеже 1990-х годов в Советском Союзе всё отчётливее стало проявляться расхождение между интеллигенцией и активно формирующимся социальным слоем интеллектуалов. И тем и другим свойственны и тяга к интеллектуальному труду и познанию, и восприятие новых идей, и стремление к свободе самовыражения, и критическое отношение к власти, но водораздел прошёл по иным признакам: это верность нравственным идеалам в изменяющихся условиях, неприятие несправедливости и антигуманизма, ответственность за поступки и постоянное духовное совершенствование.

Эти качества, столь свойственные интеллигенции, оказались несущественными для интеллектуалов, для которых карьера, комфортность и близость к власти стали доминирующими стимулами жизни, а гибкая совесть и размытые мировоззренческие установки — типичными чертами. Эта социальная группа образованных людей, находящаяся во властных структурах или зачастую связанных с ними, внутренне даже готова поддержать передовые социальные изменения, но для них «морально затратно» делать что-либо вне своих личных интересов, они не руководствуются велениями долга или совести.

Второй момент расхождения — различие социальных функций: если интеллектуалы поставляют знания и экспертные оценки, то интеллигенция, помимо этого, — транслятор культуры в обществе. Она создаёт образы будущего, по законам которого впоследствии живёт общество, и сама проходит по всем фазам его воплощения, поэтому *воспроизводство интеллигенции есть воспроизводство культуры*, иначе мы будем обречены жить в диковатом социуме и воспринимать культуру как отражение в кривом зеркале, почитая его за естественное. Самосовершенствование интеллигенции идёт параллельно развитию общества по линии «геном — отбор — образование — познание — совершенствование» каждого его представителя, а генный уровень проявляется в наличии более тонкой ментальной организации.

Сама наследственность есть только побуждение к действию. Интеллектуалы также готовы к интеллектуальному труду и созиданию, но большинство из них не способны уразуметь, чем владеют, если не прошли школу нравственной эволюции (потомственно или опекой «введённого»), то есть «нравственное зрение» передаётся наследственно или воспитывается последовательным соблюдением его принципов. Для интеллектуалов же развитие протекает с акцентом на «пакетном» образовании, профессиональном совершенствовании и без обременения себя нравственными оценками и ответственностью, которые для интеллигенции являются неотъемлемой частью мировоззрения.

Русская интеллигенция и национальные интеллектуалы

Расслоение в прибалтийских государствах

Основная часть интеллигенции в России демонстративно вненациональна и аполитична по отношению к власти, на что имелись всегда веские причины. Любые рассуждения по поводу собственно русских интересов вызывают рефлекторную реакцию с обиженным взглядом и дрожью в голосе: «А как же другие народы? А как же, скажем, татарин?» Вопросы типично в традиции русской интеллигенции, которая идёт по жизни с привитым нравственным гандикапом; эта манера проявляется не только в стабильные жизненные периоды, но и в переломные исторические моменты. Такая позиция немыслима у национальных интеллектуалов; поведенческая реакция этих кругов в едином государстве — одна, но когда твой народ получает тем или иным путём независимость, возникает соблазн слоевого доминирования.

После провозглашения своего суверенитета в бывших советских республиках начался процесс стремительного расслоения интеллигенции. Достаточно показательно это протекало в прибалтийских лимитрофах. Национальные интеллектуальные и творческие элиты мгновенно переориентировались на нарождающиеся властные институты, трезво оценив реальные блага от своего привилегированного положения и уничтожив всякую основу профессиональной конкуренции со стороны нетитульных специалистов, а для надёжности в Латвии и Эстонии возвели дополнительные барьеры в виде языковых требований и гражданства.

Более того, практически массово представители титульных народов, кого ранее относили к многонациональной советской интеллигенции, заняли резко националистическую позицию. Во многих случаях «национальная интеллигенция» могла бы промолчать — но нет: она дала волю своему характеру, изливая желчную претенциозность и щедро разбрасывая в возбуждённые массы семена раздора, нетерпимости и национального чванства. В социальном плане очень быстро исчезли мнимые дружественные связи и нравственные ценности, а гуманистические абсолюты везде

на постсоветском пространстве, за исключением России и Белоруссии, распространились только на титульные народы. Для русского населения ближнего зарубежья интеллигенция осталась единственной основой сохранения наследия своей культуры и её развития.

А через некоторое время уже в русскоязычной среде прибалтийских государств начался процесс социальной поляризации национальных меньшинств, который привёл к образованию малочисленных общин, дистанцировавшихся от русского сообщества. Ведущую роль в этом сыграли именно представители интеллектуальной среды. Как результат, через 20 лет после провозглашения независимости всех республик Советского Союза для русских в Латвии и Эстонии, в меньшей степени Литвы, сложилась ситуация, когда в массе своей все осознали необходимость автономного пути развития своего общества, своего народа. В связи с этим вопрос уровня развития русской культуры в прибалтийских государствах становится доминирующим, так же как вопросы основной движущей силы этого процесса, партнёров, почвы и формы национальной институционализации.

Характер и глубинные причины отчуждения

Партнёрские отношения с национальными интеллектуальными и творческими элитами в решении этих задач кажутся вполне естественными, поэтому есть обоснованный интерес выяснить причины столь явного размежевания представителей бывшей советской интеллигенции и отсутствия более гармоничного сотрудничества хотя бы на корпоративной основе. Видимо, всё дело в разнородности русской интеллигенции и национальных элит бывших советских республик, в различии понимания смыслов и ценностей существования, цивилизационных кодов, переданных нам прежними поколениями.

Русская интеллигенция выросла с нравственно-этическими проблемами, которые приходилось ощущать целому ряду поколений. Их потомки так же легко обретают «нравственное зрение», как дети привывают к Интернету, а родовые корни проявляются с некой «мистической» закономерностью, независимо от профессиональности — в их судьбах, делах, образе мыслей и стиле жизни. Интеллигенции свойственно многомерное восприятие мира, причём не только в пространственном, но и в пространственно-духовном смысле, а эти качества — результат эволюционного духовного совершенствования, подобного развитию спектра зрения человека от нескольких до нынешних семи основных цветов.

Национальным интеллектуалам присуще иное мировоззрение — плоскостного типа, — что весьма наглядно проявилось в последние десятилетия. После парада суверенитетов в большинстве своём они мгновенно переориентировались, подтянувшись к другому полюсу влияния, тем более

что нравственная ситуация в этом поле не отличается какими-либо сложностями и духовными нагрузками. Доминирует простой принцип: «Ты счастлив, если потребление находится на желаемом тобой уровне». Национальным интеллектуальным элитам лимитрофов не нужно более было напрягаться, подавляющее большинство их представителей не страдает нравственными укорами и спокойно живёт без гримас совести. К тому же новая система ценностей более подходит к их истинным внутренним потребностям.

Путь духовного самосовершенствования нелёгок, тут нужен особый стимул в виде идеальных целей и наследственный отбор многих поколений. По мысли русского философа С. Н. Булгакова, общество без идеальных целей встаёт на путь нравственного и государственного вырождения; это суждение в более узком смысле вполне можно распространить на все национальные элиты.

Только некоторые национальные интеллектуалы, уже выйдя из общего «силового поля» русской культуры, могут понять, что они теряют шанс ускорить своё развитие, пройдя в контакте с русской интеллигенцией путь духовной эволюции, и стать действительно национальной интеллигенцией, а не слоем образованных или даже интеллектуально развитых людей. Для самостоятельного развития им потребуется многократно большее время. Но и это может быть только фрагментарным явлением, так как не они определяют что-либо в общественном сознании титульных народов постсоветских государств.

Новая интеллигенция: изменение характера и социальной роли

В первое десятилетие XXI века для части русского народа, отделившейся от России, установились новые и существенные для жизни факторы. Прежде всего, по всей территории Европы распространилась многочисленная русская диаспора (по разным данным численностью до 6–8 млн. чел.), причём в значительной степени за счёт постоянного оттока русской молодёжи из всех постсоветских государств. Во-вторых, в отличие от времён прежних волн эмиграции появились новые технологические средства, в первую очередь телекоммуникационные, позволяющие не только поддерживать связь с родственниками и друзьями, но и участвовать в территориально распределённой деятельности. В этих условиях становится возможным создание духовных и творческих связей в совершенно новых формах. Тем более что мы стоим в преддверии перехода к очередному технологическому укладу, в котором важнейшими направлениями, помимо робототехники, био- и нанотехнологий, являются высокие гуманитарные технологии, проектирование будущего и управление им.

Новые условия с неизбежностью отражаются на характере русской интеллигенции, которая, чтобы выжить и воплотиться в рамках своего жизненного императива, должна выработать собственные методы адаптации. Такая ситуация уже возникала, и в этом плане полезно бросить взгляд назад, на историю становления русской интеллигенции. Основной её парадокс состоит в том, что именно Российская империя, против которой так истово боролась интеллигенция, и есть то горнило, что её создало, *заставляя трудиться душой, укрепляться духом*, эволюционировать и воплощаться в новом духовном качестве.

Но империей может быть не только государственное образование — это то многомерное пространство, где ведётся борьба за сохранение своего культурного наследия и национальной идентичности, где происходит столкновение идей и взглядов, где занимаются творчеством и этим развивают русскую культуру и где вся деятельность воспринимается членами русского сообщества — можно сказать: гражданами Русского мира — на ментальном уровне. И этот распределённый по разным странам, но мировоззренчески связанный русский континуум способен, наследуя линию прежних времён «борьбы с империей» как государственной системой, перенести акцент своей деятельности на противостояние подавлению русской культуры в постсоветских государствах, на сохранение в иноязычном окружении своих культурных и духовных традиций. Эти испытания могут сформировать пласт русской интеллигенции, наделённый новыми качествами и осуществляющий функцию трансляции в общество духовных ценностей и культуры Русского мира.

Ответ на исторические вызовы требует не только новых идей и взглядов, но и определённых умений. В этих условиях интеллигентный человек должен обладать способностью антропологического и психологического совершенствования. И, в отличие от типичных интеллектуалов, — способностью к духовному прозрению; в идеале — это следование личной духовной линии в понимании движения к свету, познанию сущего. В упрощённом смысле интеллигентность — это интеллектуальность как углублённая профессионализация в сочетании с высокой духовной культурой, нравственными устоями, навыками физического и психологического самосовершенствования.

Суть же духовного самосовершенствования состоит не только в достижении высокой мерности сознания, связанного с уровнем абстрактного мышления индивида, но и в достижении определённого уровня тонкой связности, то есть способности воспринимать высокие пространственные частоты, а значит более тонкую картину мира. Если представить наше восприятие n-мерной картины мира через восприятие его спектрального пространственного состава, то восприятие высоких гармоник можно отождествить с *просветлением*, то есть ощущением тонкой структуры мира. В этом ключевое различие интеллектуалов и интеллигентов,

первым из которых свойствен высокий уровень мерности сознания, а вторые наделены ещё тонкостью духовного восприятия. Здесь проявляется очевидная природная закономерность взаимосвязи тонкости и глубины строения материи с тонкостью духовного мира, а его постижение неизбежно увеличивает морально-нравственную ответственность за него.

На наших глазах должна произойти *смена архетипа русского интеллигента* уже постсоветской формации. И этот процесс не может идти стихийно, на его формирование должны оказывать влияние не только факторы будущего. Самим обществом *должно осуществляться идеологическое управление сменой архетипа интеллигента в рамках развития Русского мира.*

В этом переходе к интеллектуальной и духовно воспитанной личности, являющейся уже социальной производящей силой, мобильной, адаптивной и целенаправленной, имеется определённая сложность: приобретению необходимых качеств могут препятствовать традиционные черты русской интеллигенции, в частности, её душевная противоречивость. В русской интеллигенции причудливо сочетаются восторженная нетерпеливость и отстранённая самоуглублённость, желание чуда и жизненный нигилизм, сложность натуры и простота общения, но в новых условиях, особенно для уже живущих в западных странах, приходится обращать больше внимания на такие черты как ответственность, дисциплина, послушание, или воспитывать их в себе.

Фактически должна идти постоянная корректировка различных сторон характера интеллигенции в зависимости от вызовов времени, позволяющая некоторые из них усиливать, а некоторые — приглушать. Перепрыгнуть в новое состояние невозможно, так как это эволюционный процесс, протекающий из собственной истории и своих несовершенств, но уже без душевного надрыва и мученичества.

Приобретённые черты должны естественным образом дополнить существующие и способствовать воплощению иной ипостаси русской интеллигенции для её фактического сохранения как социального и культурного феномена. И такой шаг в самовоспитании новых свойств характера органично сочетается с духовным движением русского зарубежья к православной церкви и восприятием христианских ценностей как базовых.

Для русской интеллигенции стоит вопрос не только о постепенном личностном самосовершенствовании, но и о воспитании последователей иного качества, воспроизводства их критической массы, обеспечивающей развитие культуры и народа. Этот путь — путь долга, самодисциплины, преодоления своего «я», скромности и эволюционного развития — можно уже назвать *подвижничеством.*

Заключение

Какой же быть русской интеллигенции в будущем?

Прошло время, когда человек признавался царём природы, — со временем выяснилось, что он может её последовательно разрушить, как и тот мир, где находится сам, если на ином, не человеческом, уровне не будет производиться коррекция его действий. Уже очевидно, что выбранный человечеством технологический путь развития весьма опасен, так как он не предполагает приоритета духовной эволюции. Но люди должны меняться не только в такт прохождению ступеней технического прогресса, каждая личность должна пройти свой путь духовно-нравственного совершенствования. И для этого необходимо иметь в обществе определённую группу людей, посвятивших себя сбережению, распространению и развитию культуры, тех, кто обеспечивает такие жизненно важные человеческие функции, как возможность мечтать, любить, надеяться и верить.

Решение серьёзных социальных проблем связано с совместным действием всех слоёв общества, но нащупать основные направления, предложить методы, то есть формализовать неясные представления о будущем, — функция интеллигенции. Именно её, так как социальные свершения связаны не только и не столько с экономическими достижениями, сколько с их психологической и нравственной сторонами, с формированием ценностных установок и критериев оценок.

При разрушенной иерархии ценностей как в России, так и в русском зарубежье нет ни общепринятых нравственных устоев, ни достойного поведенческого образца, поэтому интеллигенция призвана стать тем «жизненным стилистом», за которым тянутся все слои общества.

Интеллигенция — не избранные люди, а особые: пытливые, постигающие, несовершенные и самосовершенствующиеся и мучающиеся от несоответствия своих образов мира и реальности. Русской интеллигенции свойствен постоянный поиск истины и смыслов жизни в полярных категориях добра и зла, любви и ненависти, закона и правды-справедливости, жизни и смерти, что сформировало особую структуру и уровень мерности её сознания. Отсюда, от своеобразной ментальной фильтрующей матрицы восприятия мира (пространства), структура которой образовалась на основе этого многовекового поиска русского человека, и проистекают неосознанные представления иностранцев о загадочной русской душе, столь естественной и жизненно органичной для самих её носителей.

Весь исторический путь России способствовал образованию у части её общества особого пристрастия к познанию сущности и смыслов жизни. Такая духовная работа вела к повышению мерности сознания (в психофизическом плане — к фильтрации пространственных высокочастотных гармоник, обеспечивающее иное, более тонкое восприятие мира) и нравственных идеалов, смыкаясь в высоких своих проявлениях с ипостасями столь почитаемых на Руси великих старцев. Генетически наследуемая предрасположенность, со временем подкреплённая воспитанием и образованием, обеспечила появление творцов и тот взлёт русской культуры, плодами которого мы пользуемся поныне. И это та твёрдая основа, на которую мы можем опираться и от которой можем отталкиваться в своём развитии.

Хотелось бы приукрасить ситуацию, сказав, что настоящая интеллигенция занимает срединное положение между интеллектуалами и святыми старцами, так как и самой интеллигенции нужна значимая цель развития как шаг на пути совершенствования в духовной эволюции. Но пока она в начале этого пути; к тому же святые — уникальный (и персональный) феномен природы, интеллигенция же — групповой. Сама жизнь подталкивает начать движение *по пути воспитания качеств подвижничества к просветлению*, то есть к осознанному расширению мерности своего сознания и восприятию высоких духовных истин, и именно в приближении к этому уровню духовного развития проявляется смысл существования интеллигенции, а то, что приобретается на этом пути, непосредственно отражается на качестве общества.

Возможно, *просветление* является несколько идеалистической целью, но именно идеалистическое самым непостижимым образом прививается на русской почве, укореняется в русском самосознании и характеризует русскую интеллигенцию, и именно вокруг православной церкви группируются русские люди зарубежья как ранее, так и в нынешние времена, который раз в истории обретая себя в форме существования русского народа, непонятно организуемого по духовным законам. Поэтому парадоксальным образом именно идеальная цель имеет высокие шансы на восприятие, преемственность и следование идеалам, а путеводной нитью могут служить как будто бы искони звучащие слова: *«Господи, научи меня каяться, молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить»*.

Время покажет, какова роль русской интеллигенции: зеркало, пусть и со сколами, вглядываясь в которое, мы прозреваем контуры будущего, или россыпь осколков, неких социальных артефактов, как память о русском феномене духовного совершенствования, гуманизма и общественного служения.